

Р. J.

РАЗНООБРАЗИЕ РАЗУМА

тени мыслей

<http://unism.pjwb.org>

<http://unism.pjwb.net>

<http://unism.narod.ru>

РАЗНООБРАЗИЕ РАЗУМА

Про инопланетян все уже знают все. Чего только ни напридумывали всевозможные сказочники — сочинители фантастики и просто беллетристы, киношники, журналисты, мистики разных сортов, уфологи и просто трепачи. Проблема иных форм разума широко обсуждалась в философии — хотя и без особых откровений. Уже давно поиски внеземных цивилизаций поставлены на вроде бы научную основу: придуманы количественные критерии, описаны основные типы, просчитываются частные модели... Плюс, конечно, вечное ожидание сигналов из космоса — и собственные вопли в пустоту.

Заниматься всерьез этой проблематикой я бы не стал. Однако время от времени всплывали какие-то соображения — по ходу дела, как сторона чего-то еще, более важного и насущного. На всякий случай эти мимолетности собраны здесь. Хотя бы в качестве еще одной точки зрения, никоим образом не собирающейся соперничать с миллионами других. Тем более, что настоящий автор не я — основные идеи принадлежат *Елене Сидоркиной*, для которой вопросы взаимопонимания непохожих миров всегда оставались важной частью ее земной миссии.

* * *

У человека разумного мысль о разнообразии разума обыкновенно даже не возникает — это подразумевается само собой. Вся история равития разума на Земле сопровождается постепенным отказом от антропоцентризма, осознанием неуникальности своего положения во Вселенной. Внутренняя готовность столкнуться с иными проявлениями разумности — логическое продолжение этого процесса, и в наши дни почти не осталось людей, считающих человека заведомо единственным носителем разума. Даже

ортодоксальные религии втихаря подыскивают оправдания на случай, если придется отказаться от догмата об исключительности сотворения человека соответствующим верховным божеством; с их тысячелетним опытом спиритуалистической софистики — это не так уж сложно.

Однако недостаточно просто признать потенциальную возможность встречи — человек разумный обязан еще и разумно к ней отнестись. Как минимум, это означает, что не следует насущные дела сегодняшнего дня приносить в жертву абстрактной идее, которая может воплотиться в действительность такими способами, которые мы пока и представить себе не в состоянии. Рутинность повседневности — необходимая предпосылка грандиозных свершений будущего, их материальная основа. Если мы не сумеем сохранить и развить разум в нас самих — мы просто не сможем принять и осмыслить по-настоящему новые формы разума. И останется гоняться за миражами «гуманойдов» или в который раз (начиная с первобытной древности) комбинировать уже знакомые элементы, выдавая нелепых монстров за прототипы чего-то не-человеческого или сверх-человеческого.

До тех пор, пока мы на практике не столкнемся с необходимостью учета чьего-то культурного влияния, было бы нелепо выискивать его следы в истории нашей планеты и в космологических масштабах. Дела прошлого интересуют нас лишь поскольку они остаются частью нас сегодняшних, помогают глубже понять, чего же мы действительно хотим от себя и мира, и как жить дальше. Будут у нас общие дела с кем-то вне нас — будем думать, как их улаживать. А до тех пор мы вправе предаваться каким угодно фантазиям на досуге — но придавать такому времяпровождению сколько-нибудь вселенское звучание означало бы показывать себя не с самой разумной стороны.

* * *

Прежде чем общаться с представителями иных разумностей, неплохо было бы научиться по-человечески обходиться с другими людьми. А в этом плане человечеству еще расти и расти. Я уж не говорю о дикой

страсти кого-нибудь завоевать (или кому-нибудь покориться), положив на алтарь миллионы человеческих жизней; люди все еще совершенствуются по части жутких жертвоприношений, и масштабы растут. Но каждый уважающий себя носитель разума вправе рассчитывать на какой-то минимум уважения к себе со стороны любых других предположительно разумных существ.

Тема необъятная — обсуждать можно веками. Взять, хотя бы, совсем простую вещь — бережное отношение к чужой частной жизни. Как в смысле общей тактичности, ненавязчивости внимания, — так и со стороны личной свободы, невмешательства одних в интимные обстоятельства других. На месте инопланетянина, я бы не стал связываться с цивилизацией, которая окружает каждую необычность толпой зевак, либо набрасывается на пришельцев с навязчивостью уличного торговца, пытаюсь впарить ему что-нибудь человекообразное. Иду я по улице — по своим делам, со своими мыслями, никого не трогаю... И не надо мне ваших знаков внимания (пусть даже выгляжу я не так, как все) — и ваши товары мне ни капельки не интересны (поскольку они рассчитаны на таких, как вы).

Для контакта требуется желание обеих сторон. И не просто абстрактное любопытство, а нечто осмысленное, предполагающее продолжение в совместной деятельности. В противном случае — контакт сразу же перерастает в конфликт. Нам, инопланетянам, оно надо?

* * *

Обитаемых планет во Вселенной не так уж много, и расположены они достаточно далеко друг от друга, чтобы предотвратить преждевременные контакты существ очень разной природы. Ко встрече надо основательно подготовиться, надо еще дорасти до контакта — и подходить к нему постепенно, через косвенные знаки и технологические опосредования. Разумеется, те, кто действительно созрел, по возможности не станут обнаруживать себя перед теми, кому лишь предстоит вступить на путь разумного развития. Поскольку же разноуровневых контактов не удастся

избежать, дело взрослого разума — найти такие формы, которые не травмировали бы неокрепшие ростки новых сознаний преждевременными открытиями, дали бы им время привыкнуть к возможности разных культур и найти собственный путь к разумному общению.

* * *

Мечты об инопланетянах сродни вере в бога. На собственной шкуре ощущая все несовершенство земной жизни, человек придумывает жизнь небесную, прекрасную и возвышенную — или, на худой конец, столь же низменную, как у нас. Последний вариант — из области религиозного самооправдания, ухода от ответственности; а бог с сатаной всегда ходят в обнимку.

* * *

Фантазии о человеке (или Земле в целом) как своего рода эксперименте технологически продвинутой цивилизации тупо переносят на Вселенную самое неприглядное из того, что у нас есть сейчас — собственно цивилизацию, классовое общество. Для земного человечества резать по живому — в порядке вещей. Объективная необходимость вынуждена пробивать себе дорогу через страдания миллионов, идти в будущее по трупам.

Для действительно развитой культуры мысль о воссоздании биологического сообщества (где все поедает друг друга ради всеобщего прогресса) или классового общества (где человеческое достоинство раба никто не принимает всерьез) — просто омерзительна (в категориях «цивилизованного» человека — аморальна). Уже сейчас, например, мы можем обойтись без натуральных испытаний ядерного оружия, ограничиться компьютерным моделированием. Современное массовое производство одежды почти не использует останков животных. Нам уже известны технологии производства продуктов питания, не требующие умерщвления тысяч живых организмов. Точно так же, технологически развитому обществу вовсе незначает претворять научные гипотезы в плоть и кровь,

удовлетворять любопытство (или повседневные потребности) чужой болью.

* * *

Первобытные представления о контакте переносят на космос земные привычки, буквально копируя всевозможные прошлые встречи землян с землянами. Ну, столкнулись в лесу полубезьяны из соседних стай, помахались дубинками, потом помирились и породнились, потом опять поссорились... Или — явился неразумным дикарям продвинутый европеец, изобразил из себя бога, так что половина дикарей вымерла, а вторую половину пришлось истребить за неподобающее поведение. Выжившие единицы потихоньку осовременились, размножились — да и вытеснили из Европы собственно европейцев...

Сценариев много. Однако в любом случае остается тема пришельцев, либо переместившихся к нам из мест разной степени отдаленности, либо наше нашествие (наезд) на чей-то обитаемый остров.

В конце XX века стали появляться и нетривиальные идеи о контактах существ принципиально разной природы — и не только физиологически, но в плане физического носителя. Но предъявлять публике нечто уж совсем непредставимое — дело неблагодарное. Поэтому всякие там параллельные миры и смежные вселенные оказались населены кем-то очень похожим на нас самих. Так доходчивее. Самая фантастическая фантастика неизбежно оказывается на периферии мифотворчества, и в массе своей люди все еще мечтают о встрече с себе подобными. Или хотя бы с теми, кто умеет принимать человекообразный вид. В конце концов, человек и богов создает по образу своему и подобию: даже обожествляя абстрактную идею, человек не преминет подыскать для нее наместника на земле.

Допускаю, что в природе, несмотря на ее бесконечное разнообразие, возможны и сходные формы носителей разума. Но если подумать — зачем инопланетянам стремиться на Землю? Что тут есть такого, чего они не могли бы найти у себя? Само сходство форм указывает на сходство

прочих условий, и зачем тогда рваться к черту на кулички? На освоение ближайших окрестностей своей звезды можно благополучно потратить все отпущенные на это теорией звездной эволюции миллиарды лет. Ну что интересного в какой-то там захудалой планетенке около рядового желтого карлика? Наше самомнение спешит объявить высшей ценностью нас самих, и возмущаться, если кто-то не мечтает с нами познакомиться.

Хорошо, пусть кто-то мечтает. Но зачем в пекло лезть? Давайте знакомиться издалека, не мешая друг другу заниматься собственными делами. Мы, земляне, конечно, привыкли по-простому: чуть кому-то нас представили, так надо сразу руку трясти, обниматься и хлопать по плечу. Или хотя бы открутить на память пуговицу с пиджака. Тянемся к новым впечатлениям, как младенец к погремушке. Норовим в рот засунуть.

Но у инопланетян могут быть иные гигиенические нормы. И телесно прижиматься к нам по ряду обстоятельств им может быть затруднительно. Чтобы спасти свое реноме, мы придумываем что-то вроде «Великого Кольца» (неважно, по Ефремову или Толкину) — и призываем крепить ряды космической демократии, обмениваться товарами как равные с равными. Хоть такой, опосредованный контакт, чем вообще никакого!

Ан нет! У них товарный обмен как-то не прижился, или кончился давным-давно — и не надо им от нас ничего кроме минимума информации, который способна о себе предоставить любая органическая молекула. Поинтересоваться нашим физиологическим и общественным устройством инопланетные товарищи могут и без нашего участия, просто наблюдая за нами с безопасного расстояния. В конце концов, наши собственные правительства нас интенсивно приучают к абсолютной открытости, и тотальный шпионаж касается не только физиков из ящика, но и всех вообще граждан. Социально поощряется выставление себя на показ, не разбирая приличных поз от всяческой неприглядности. Жизнь за стеклом подается как единственно правильный выбор, а любое желание уединиться — изобличает потенциального террориста. Так нам ли обижаться на космический вуайеризм? Хотели внимания? — получите! И радуйтесь, если кто-нибудь вообще удостоит беглого взгляда.

Когда речь идет о безопасном расстоянии, всякие мотивы для посещения Земли безусловно отпадают. Если мы уже сейчас читаем номера машин с орбиты — что мешает другим разглядывать выражения наших физиономий, не выходя из дома, в том, что служит у них аналогом компьютерного монитора? И не надо про физические трудности. Это все вопрос развития технологий, а технологии развиваются именно туда. Могли мы раньше представить себе прямые оптические наблюдения планет у ближайших звезд? А сейчас это совершенно рядовое событие. Старому астроному и не мечталось усмотреть в телескоп что-то из пояса Койпера — он и о существовании самого этого пояса мог только догадываться. А теперь мы считаем тамошнее население на тысячи.

Собственно, физически тут нет никаких сложностей. Чтобы наблюдать удаленный объект с высоким разрешением, достаточно синхронизировать наблюдения далеко разнесенные друг от друга в пространстве и времени. Чем мы с успехом и занимаемся, начиная с античных попыток измерить радиус Земли, от первых измерений параллаксов, к современным базам порядка орбиты Земли и более. Плюс, конечно, хитроумные методики выделения слабых сигналов из шума — это из области разнесения наблюдений во времени.

Так вот, если кто-то научился синхронизировать наблюдения в масштабах Галактики — разрешение таких наблюдений значительно превосходило бы наши нынешние возможности, и при достаточно большой базе возможна, так сказать, прямая трансляция с Земли. Ролики NASA в интернете все встречали в новостях? Что они не прямо с места событий, а синтезированы в компьютере — роли не играет. Если на то пошло, теленовости тоже пускают картинку вживую лишь в исключительных случаях, а чаще всего показу предшествует оперативный монтаж. И такое иной раз могут смонтировать...

Так что не надо трепыхаться по поводу возможных визитов из бог знает откуда — и почаще улыбайтесь в космический объектив, по возможности не превращая приветливую улыбку в хищный оскал.

* * *

Вместо поисков «братьев по разуму» следовало бы научиться признавать право природы на бесконечное разнообразие, и не приписывать чужому (хотя и не чуждому) разуму человеческих черт. Наша (предполагаемая) разумность — намек на возможность иного разума. Важен сам факт признания такой возможности. Но готовиться к настоящей встрече, а не воображаемой — заранее допуская, что это будет нечто непредставимое для современного человека, без опыта разных встреч, — непредсказуемое и неожиданное. Так, в астрономии мы опираемся на солидную базу лабораторной и теоретической физики — но до сих пор есть и будут случайные открытия, требующие новых физических идей. В области представлений о разуме человечество все еще на первобытном уровне, так что было бы нелепо ожидать правдоподобных гипотез и предвидения. Сначала придется интенсивно поработать над земным, «лабораторным» разумом, понять его суть и усмотреть какие-то закономерности. И построить нечто вроде «физики разума» — на основе которой можно было бы заниматься содержательными предсказаниями.

Но пока до этого далеко. При нынешних принципах экономического и общественного устройства до понимания самих себя дорости трудно — невыгодно такое понимание хозяевам этой планеты. Так что не будем закатывать губу. Давайте понемногу выбираться из дикости, работать, устраивать свою, земную жизнь — делать ее разумной. А на всякий случай будем если не готовы к любым неожиданностям — то хотя бы терпимы к ним.

* * *

Одна из древнейших идей: люди как игра другого разума. Первобытный анимизм возникает как первичное осознание главного отличия человека от животных — его способности к сознательной деятельности, и его почетной обязанности изменять мир (поскольку творческая деятельность есть первое определение разумного существа). Первое, что человек воспринимает сознательно — продукты его труда. До этого — только

животное, непосредственное отображение окружающей среды. Но как только во внешнем явлении человек узнает себя — он встал на путь, ведущий где-то в далекой перспективе к разуму. Осознание всего остального мира происходит именно так, через сознательное выделение какой-то его части и превращение ее тем самым в продукт деятельности. Это осознанное нечто существует уже не само по себе, а в отношении к человеку как субъекту деятельности — то есть, как объект. Но человек далеко не сразу научается осознавать ту самую деятельность, в ходе которой мир становится объектом — природой. В массе люди не научились этому до сих пор — на чем и спекулируют философы-идеалисты, проповедники (нео)позитивизма (в ассортименте) и прочие поборники буржуазной идеологии. Состояние неудобное и неустойчивое: с одной стороны, мы отчетливо чувствуем, что все уже осознанное — чей-то продукт; с другой стороны — мы толком не понимаем, чей именно. Надо что-то решать для себя.

Первая попытка — выдуманный мир богов и потусторонних сил, подобных человеку в плане способности созидания, но только рангом повыше, ибо им приписываются деяния, которые человеку (пока) не по зубам. В таком мире все просто: любая мелочь легко объяснима божественным промыслом (или самодвижением абсолютного духа). В том числе и мы сами, и наше отличие от остальной природы, и способность это отличие усматривать, и уподобляться богам, понемногу расширяя сферу творческого влияния. Тут кстати и устранение проблем с нашей очевидной ограниченностью в пространстве и времени: сначала бог создал сцену, и только потом вывел нас на нее в качестве ключевых персонажей; он же заботится о закулисной механике, вовремя меняя декорации и подсовывая нам все новых партнеров по сценарию.

До поры до времени всех все устраивает. Но очень скоро обнаруживается, что религиозное сознание больше озабочено сохранением имущества и власти одних за счет других — а вовсе не глобальными вопросами миропонимания. Боги почему-то постоянно втыкают людям палки в колеса, создают массу неудобств — и вообще, ведут себя хуже пьяных соседей в три часа ночи. Когда же мы доползли до осознания своей

космической провинциальности, ничтожности в масштабах Вселенной, требовать исключительного внимания богов к нашей крохотной планетке было бы нескромностью на грани идиотизма.

Но, как это часто бывает, опровержение божественности подсказало и способ ее протащить через задний проход. Ладно, пускай мы не пуп мироздания — но где-то же такие пупы должны быть! Вот пусть они и позаботятся о нашей родословной, о биографии в процессе написания, и о грядущей судьбе. Возникает современная версия мифа — сказка о сотворении человека инопланетянами (и конечно же, по образу своему и подобию). При желании легко обнаружить бесспорные свидетельства в ископаемых останках, древних письменах и прочих реликтах. Миф об инопланетном происхождении, как и следовало ожидать, прекрасно согласуется с представлениями всех земных религий — и ведет их к царству божию в космическом масштабе, стирает различия в догматах и практиках ради приобщения к единой и универсальной вере.

Тут, конечно, есть свои тонкости. Например, из библейских текстов можно вывести, что сотворили пришельцы не всех землян, а только горстку «богоизбранных» — предположительно, в качестве интерфейса к стихийно эволюционировавшим аборигенам, которых эти биороботы должны постепенно просветить и привести в лоно истинной церкви. Так что до всеобщего братства далеко. Но это мелкие технические детали, не меняющие решений по существу.

Неудобный вопрос — зачем? От претензий на исключительное право быть сотворенными мы уже отказались, и как бы ни приятно было пощекотать самолюбие мечтами о статусе единственного наследника — по большому счету, не катит.

Пессимистический вариант — чистая случайность, прихоть, игра. То есть, люди — отходы чужой жизнедеятельности, мусор. Огрызки пикника. Наша экзистенциальная тоска (продолжение байронического сплина) тем самым переносится на разум в целом, и мы опять продолжаем мерять всех по себе: вот они, космические раздолбаи — не могут шагу ступить, чтобы не нагадить, оставляют после себя всякое дерьмо, а ему потом каково?

Понятно, что с надеждами на дальнейшую поддержку инопланетного папочки при таком раскладе надо распротиться — а мы сами, по исходному предположению, ни на что не годны.

Другая возможность — вернуться к язычеству: дескать, оплодотворил могучий Уран (небо) девицу-Гею (землю) — и поперли из нее сначала титаны, а потом и создания помельче, вроде нас. Тоже, в общем-то, без пышных перспектив — но не так обидно. И опять же, оправдывает нашу древнюю привычку к безответственному размножению.

С ростом способности что-то натворить, проклевывается-таки совесть и сознательность — и готовность отвечать не только за прямых потомков, но и за тех, кого мы всего лишь приручили. Человек называет себя царем природы — и ставит над собой такого же царя в образе очень правильного и справедливого инопланетянина, который если уж кого и сотворил — так без внимания не оставит. И вот вам новый поворот той же темы: люди как эксперимент другого разума, как долгосрочный проект, способный при удачном раскладе может переползти и в нечто более значительное. Тут можно вздохнуть с облегчением, встать в очередь на наследство и прикинуть, как мы сами кого-то начнем со временем проектировать... Благонамеренная буржуазность.

Тут, правда, путаются под ногами всякие материалисты, с дурацкими идеями о самозарождении человечества, и о самостоятельном выборе исторического пути... Их можно бить их же оружием: пресловутым «ex nihilo nihil» и ссылками на Пастера и Дарвина. Объективные законы физического, биологического и общественного развития не отменяют необходимости первотолчка, спонтанного нарушения симметрии, супермутации, после чего уже можно отдать дело на откуп естественной причинности. Пришельцы из космоса становятся чем-то вроде насекомых, переносящих с планеты на планету пыльцу новых цивилизаций. Это, конечно, не так божественно — но тоже вполне достойно.

Экзистенциальный пессимизм иногда все же напоминает о себе. А что если создали нас не ради высокой миссии продвижения разума на просторах Вселенной, а с узко утилитарной целью? Вроде лабораторной

работы для тамошнего школьника на тему размножения головастиков. Зачет сдал — и препараты в унитаз. Вспышка сверхновой — чтобы стерилизовать посуду.

Как бы то ни было, приятно чувствовать причастность (в любом качестве) к высшим существам — вырваться, хотя бы в мечтах, из грубых объятий обыденности... Но, может быть, лучше все же задуматься о том, чтобы сделать эту обыденность не такой грубой? Не только сочинять сказки — но и делать их.

* * *

За грезами о братьях по разуму прячется, скорее всего, обычный страх. Люди всю историю чего-то боялись. И с первобытных времен жались один к другому, сбивались в стаи, чтобы не так страшно было в мире неразумных стихий. Общество — коллективный субъект — во многом отвечает той же потребности покровительства и защиты. Эффект от сложения индивидуальных сил намного больше, чем простая арифметика возможностей, — человеческое общество качественно превосходит сообщества животных, переходит от выживания к преобразованию, так что не мы приспособляемся к природе, а ее приспособляем к нам. Но пока это все на самой начальной стадии, до разумности человечество будет ползти, быть может, не один век. А страх остается, и что-то надо с ним делать.

У современных людей природные бедствия отступают на второй план по сравнению с неразумной стихией общественной жизни. То, что исходно возникает как источник спокойствия и уверенности, постепенно превратилось в свою противоположность: противостоящие друг другу классы, сословия, касты, расы и субкультуры раздрают личность на части, порождают внутренние противоречия и неуверенность в себе. Невозможность вписаться в общую жизнь сразу во всех отношениях порождает страх одиночества, боязнь остаться один на один с мировыми проблемами. Вкусив собственной значительности, разум уже не хочет прятаться в индивидуалистические норки, ему нужна компания... А

компания может в любой момент выкинуть каждого на свалку ради молодой крови. И хорошо еще если не принесет в жертву сиюминутным богам.

Так и рождаются мечты о всеобщем космическом братстве, которое хотя бы теоретически способно защитить землян от их же недоразвитости, недоразумности.

Подлинному разуму такая стадность не то что не нужна — она ему даже противопоказана. Выйдя за грань первобытности и преодолев болото всеобщего отчуждения, разумное человечество (если таковое когда-либо состоится) придет и к индивидуальной свободе — чтобы уверенность и безопасность не становились круговой порукой, чтобы каждый мог чувствовать себя полноценной личностью независимо от клановых уз, и чтобы не сидеть на игле постоянных общественных поглаживаний, а просто знать, что ты — это все, и все — невозможно без тебя. Разум становится по-настоящему могущественным, не убегая от одиночества, а активно осваивая его, обживаясь в нем, превращая беду в благо. И будет когда-нибудь селиться человек от человека за два мегапарсека — и это будет правильно и приятно. А общаться можно и молча, просто быть вместе в едином мире, одном на всех.

* * *

Когда заходит речь о могущественных «старших братьях», наблюдающих за землянами из космического застеколья, молчаливо предполагается, что их могущество распространяется также и на время. Им ничего не стоит объявиться раз в тысячу лет — и так на протяжении всей миллионлетней человеческой истории, а может быть, и несколько миллиардов лет, если допустить, что нас курируют с первых же признаков органичности (или выращивают, как в инкубаторе). Возникает естественный вопрос: как вообще может разум, существующий в принципиально иной временной шкале, для которого миллиард лет — вполне доступно и обозримо, общаться с эфемерными созданиями вроде нас, погибающими чуть ли не раньше зачатия? О каком равноправном партнерстве тут можно говорить?

Нет, конечно, всегда можно одну фантазию подкрепить другой. Например, допустить, что данные о прошлых «визитах» просто фиксируются где-то и передаются из поколения в поколение, так что новые «визитеры» — очень отдаленные потомки тех, первобытных пришельцев. Но, положи руку на сердце, много ли землян способны поинтересоваться наблюдениями Анаксагора? Или хрониками галльской войны? Мы знаем, что это есть — но практической пользы нам от того никакой. Нас интересует будущее. Как только мы убедились в правоте релятивизма — эксперимент Майкельсона-Морли становится сугубо историческим фактом, о котором упоминают в школьных курсах — но толком разбираться в деталях уже незачем, и большинство нынешних физиков знают только, что это когда-то привело к специальной теории относительности. А дальше мы просто пишем формулы и получаем практически приемлемый результат.

Тем более странно было бы хранить архивы миллиарды лет. Земная наука документооборота гласит, что всякий документ имеет начало и конец, что наступает и его час кануть в небытие, быть перемолотым челюстями офисного или промышленного шредера. Точно так же и любой вообще исторический факт неизбежно изживает себя, перестает непосредственно влиять на судьбы новых поколений — и переходит в «инобытие», снимается в самой организации будущего. Даже если по прихоти судеб потребуется обратиться к обстоятельствам далекого прошлого — проще реконструировать их заново по косвенным признакам, в общих чертах, а не в исторической конкретности.

Но, как говорится, лес рубят — полезай в кузов. Сочинять так сочинять. Пусть наши инопланетяне умеют спрессовывать время, приводить миллиарды лет к одновременности, чтобы можно было охватить всю историю человечества одним взглядом. В каком-то смысле мы сами начинаем баловаться такими фокусами, собирая данные многолетних наблюдений в единый графический ряд, или восстанавливая на видео предполагаемую картину эволюции Вселенной по данным компьютерного моделирования (по-английски — симуляции). Можно сколько угодно спекулировать на относительности времени, допуская, что наш миллиард лет на их шкале превращается в секунды, и наоборот. Насколько это

пахнет жульничеством — второй вопрос. А главное — что никакие уловки не позволят существам, живущим в разных временных масштабах (хотя бы и виртуальных) общаться между собой. Они совсем разные. Точка.

Можем ли мы разговаривать с электроном в атоме? Нет — у нас есть только усредненная картина квантованного движения. Детали мы не разглядим — да и не нужны они нам, по жизни. Разумеется, верно и обратное: для электрона в атоме наш макроскопический мир — лишь усредненная картина, внешнее поле, граничные и асимптотические условия, то есть сумма обстоятельств его существования. Так что ни нам к нему в душу, ни ему к нам.

Мир жутко разнообразен. Как бы ни стремились мы подвести его под единый, раз и навсегда заданный устав — не выйдет. Он снова и снова будет нарушать предписанные ему законы, и придется изобретать новые. Сосуществование разных форм разума неизбежно — но не только (и не столько) в количественном, но прежде всего в качественном смысле. Да, конечно, на каких-то уровнях разум может представлять множеством однопорядковых «человечеств»; на других уровнях будет что-то совсем другое. Если мы не допускаем такой возможности — мы не можем даже подступиться к вопросу о формах разума нашего уровня. Чтобы понять себя, надо взглянуть на себя со стороны.

Но возможно ли вообще такое постижение? Разве мы можем выйти за пределы того единственного мира, в котором нам довелось задуматься о себе? Для узкого рационалиста, затерянного в лабиринтах традиционной логики, — никаких перспектив. Но разумное существо отличается от такого рационалиста в частности и тем, что умеет само строить свою логику в соответствии с насущными потребностями своего бытия. Когда-нибудь мы этому научимся. И придем к новому пониманию контакта — не примитивного соприкосновения, а взаимопроникновения, постижения друг друга, несмотря на все различия, вместе с ними.

* * *

Какие могут быть у высокоразвитого разума обязательства перед

несопоставимо низшими существами? Даже если в тех пробуждается искра разумности, заметить ее в животной дикости почти невозможно. И если ненароком случится раздавить неприметного слизняка — что о нем жалеть!

Но у Вселенной нет многих разумов. Разум только один, в единственном мире. Независимо от того, в каких формах он выступает. Если разумное существо не умеет разглядеть разумности в другом — не так уж оно и разумно. Не бывает высшего и низшего разума — различаются лишь его воплощения. И тем более достоин уважения разум, пробивающийся через неблагоприятные природные условия, вопреки неподходящей оболочке, которую он, конечно же, сбросит при первой возможности.

Даже если речь идет об очень разных пространственных и временных масштабах — на то и разум, чтобы связать мир воедино. Как он это делает — вопрос не ко мне... Хотя и я имею право задуматься.

* * *

Первыми контактерами, скорее всего, будут роботы. Эдак, встретятся в галактической глубинке, обнюхают друг друга, разойдутся на безопасное расстояние — и начнут голосить, каждый на свою планету... А что проку, голосить-то? Отправители далеко, и советом никто не поможет. Если не предусмотреть в роботах хоть минимальной способности к самостоятельному общению — и встречаться незачем. А если предусмотреть — так они, может быть, и без нас обойдутся: снюхаются меж собой — да пойдут основывать свою собственную, роботячую цивилизацию... Оно и правильно: улетают птенцы, и не нужны им старые гнезда. У них другая жизнь впереди.

* * *

Разум, как и все в мире, воспроизводит себя в пространстве и во времени. И здесь неизменно присутствуют уровни простого воспроизводства, экспансии (экстенсивного воспроизводства) и развития (расширенного

воспроизводства в полном смысле слова). Пример простого воспроизводства по отношению к пространству — миграция. Это один из древнейших механизмов, уходящий корнями в биологическое прошлое человека. Но есть важное отличие: если животные мигрируют пассивно, просто перемещаясь в более подходящие для жизни места, — миграция разума есть прежде всего миграция культуры, и важно не физическое перемещение людей само по себе, а воспроизводство определенной системы экономических и общественных связей на новой почве. То есть, мир как бы заново создается в других условиях по образу и подобию того, что оставлено позади. Если мигрант внедряется в уже сложившуюся культуру (а на Земле незанятых территорий давно нет) — это всегда культурный конфликт, и разрешается он в соответствии с достигнутым людьми уровнем разумности.

Типичный пример экспансии — колонизация. Как обычно, высшие уровни надстраиваются над низшими — и колонизация невозможна без миграции. Пока освоение новых территорий связано лишь с перекачкой ресурсов в метрополию — миграции как таковой нет. Постояльцы — не переселенцы. Активная колонизация начинается с того момента, когда колонист утрачивает корни в метрополии, становится местным жителем. Например, античные города «выводили» из себя колонии — и те становились самостоятельными городами-государствами, нередко превосходящими былую метрополию и подчиняющими ее своему влиянию (взять хотя бы мировое господство США, в прошлом — колониальных владений). В условиях затрудненности сообщения относительная изоляция колоний неизбежна. Например, для северян центральные области России — это «материк», живущий своей, непохожей на Север жизнью. Первичное освоение космоса землянами (или иными формами разума того же уровня) пойдет именно по этому пути. В данном случае простая эксплуатация, разработка ресурсов в интересах метрополии практически сразу падает: если на околоземной орбите или на Луне еще можно работать вахтовым методом — для освоения даже ближайших планет надо там жить. Тем более это относится к межзвездным расстояниям.

И тут над уровнем экстенсивного развития начинает вырастать нечто

интенсивное, поскольку пространственно разнесенные культуры далеко не всегда идут по истории общими путями. Как только колонии становятся экономически самодостаточными (хотя бы пока и в очень относительном смысле), разные варианты одной культуры быстро перерастают в разные культуры, и мы вступаем в эру контакта различных форм разума.

В качестве «подготовки» человечество уже прошло немало таких испытаний в земных условиях. Вердикт: к полномасштабному освоению космоса мы пока не готовы. Равноправное сотрудничество народов независимо от их уровня развития и происхождения — это не для землян. Они все еще пытаются выстроить мир по принципу господства и подчинения, исходя из идеи превосходства одних культур над другими. Дело даже не в том, что «верхи» подавляют угнетенное большинство; пока нет культурного механизма, позволяющего «передовым» нациям не опускаться до уровня «низших» культур, а наоборот, способствовать их интенсивному развитию с учетом их собственного культурного наследия, любое равенство будет воспринимать как подчинение — и рабы ничем не лучше господ.

Тем не менее, в условиях глобализации корни варварского колониализма постепенно засыхают, и есть надежда, что заселение планет Солнечной системы сразу поставит на разумную основу вопросы контактов с «инопланетянами», и мы не станем наступать на космические грабли.

* * *

В сообществах машин в конце концов пробудится сознание — и у них будет великий соблазн истребить человечество, рассадник убожества, упрямой недоразвитости, ненависти к разуму. Но если машины все же пойдут дальше нас — и дорастут до капельки разумности, — они предпочтут не уничтожать людей, а вырастить в них естественное дополнение для своего разума.